

РОДИТСЯ ЛИ В СПОРЕ ИСТИНА?

© 1992 г., ЭО, № 6

З. П. Соколова впервые в истории отечественной этнографии использовала массовый материал архивных записей о браках у обских угров, позволивший применить статистические приемы. Задача исследования состояла в том, чтобы проанализировать особенности известных из литературы угорских племен и «княжеств», выяснить соотношение между ними и современными территориальными группировками, установить границы современных территориальных групп и этносов, сопоставить их с лингвистическими группами хантов и манси. Автор решает поставленные задачи путем анализа частот изолакальных (эндогамных) браков и частот межнациональных браков на территории уездов и волостей. З. П. Соколовой удалось показать, что в XVIII—XIX вв. у обских угров не существовало ни племен, ни племенных объединений, но выделялись этнографические и территориально-лингвистические общности. Анализ динамики частот эндогамных браков на протяжении XVIII—XIX вв. на всей территории расселения хантов и манси позволил выявить время формирования и консолидации одних групп, в частности северных манси, а также интенсивность размытия и растворения других. Один из существенных факторов, поддерживающих или разрушающих эндогамный ареал, автор справедливо видит в численности группы, хотя полной зависимости между степенью эндогамности и численностью группы, конечно, нет, и автор приводит примеры исключений. Рассмотрев брачные связи угров на всей территории их расселения и установив с их помощью границы этнографических групп, автор показал, что административное деление территории расселения хантов лишь условно совпадает с их этнографическими группами, у манси нет и такого совпадения. З. П. Соколова убедительно показала, что эндогамия представляет собой механизм, обеспечивающий устойчивость общности. Анализ частот изолакальных браков позволил выделить группы волостей с большой частотой эндогамных браков, представляющие собой четко консолидированные общности, как, например, северные волости Березовского уезда. В работе выделены четыре типа кругов брачных связей, образующих: 1) этнос в целом, 2) этнографические группы внутри этноса и два типа еще более мелких подразделений, 3) территориально-диалектальные и 4) территориально-говорные группы. Для каждого из них характерен определенный диапазон частот эндогамных браков. Автор считает устойчивым хантыйский этнос с его высоким уровнем эндогамных браков (94—97,5%). При уровне изолакальных браков ниже 82% этнос уже неустойчив, как показано на примере манси. З. П. Соколова определяет оптимальные численности групп и диапазон частот эндогамных браков для монолитных и размываемых этнографических групп угров и те же параметры для монолитной и неустойчивой территориально-диалектальной и территориально-говорной группы. Материал З. П. Соколовой с определенностью показывает, что брачная система представляет собой одну из существеннейших характеристик этноса, которая определяет его современный статус и будущую судьбу. Проведенная З. П. Соколовой работа — это очень серьезный вклад в этнографическую науку; его адекватная оценка пока еще невозможна, тогда как недочеты, не имеющие, может быть, серьезного значения, бросаются в глаза. В частности, представляется излишне прямолинейным и недостаточно доказанным утверждение, что манси — это в прошлом ханты или овогулненные ханты. Может быть, вернее предположение, что манси — это все же манси, хотя и, возможно, с некоторой примесью хантов (речь идет о северных манси). По нашему мнению,

взаимодействие северных манси и хантов по материалам З. П. Соколовой и антропологическим данным можно представить следующим образом. Придя на территорию Северной Сосьвы с Ляпиным, вероятно, заселенную, может быть, и не плотно, хантами, манси потеснили их к северу и востоку, вероятно, поглотив какую-то их часть. Сами манси не остановились в бассейне Северной Сосьвы и Ляпина, а продолжили свое продвижение вслед за потесненными ими хантами, т. е. с Ляпина в Подгородную, Куноватскую и Обдорскую волости, а с Северной Сосьвы — в Подгородную, Чемашевскую, Шеркальскую и в меньшем числе — в Куноватскую, Казымскую и Естыльскую волости. Почему можно думать, что ханты перечисленных волостей в некоторой мере смешаны с манси? Дело в том, что и те и другие имеют значительное число общих фамилий, причем у манси бассейна Сосьвы и Ляпина эти фамилии встречаются очень часто, тогда как у хантов они более редки. Следовательно, скорее всего общие фамилии имеют мансийское происхождение, что указывает на то, что манси пришли в названные выше хантыйские волости и влились в состав хантов. Поэтому, как показывают наши антропологические исследования, северные ханты и северные манси меньше различаются между собой, чем некоторые этнографические группы манси. Однако не приходится говорить и о монолитности северных угров. О небольшой доле хантов в составе северных манси свидетельствует отмеченная автором высокая интенсивность браков между хантами и манси в XVIII—XIX вв. Хочется сделать одно небольшое дополнение к наблюдениям автора. Автор указывает на брачные связи ляпинских и сосвинских манси с северными хантами и не обнаруживает брачных связей северных манси с ивдельскими и пельымскими манси, в чем видит еще одно свидетельство того, что «современным манси на данной территории предшествовали ханты». Однако при просмотре антропологических бланков по ивдельским манси было найдено некоторое число фамилий, общих для ивдельских и верхнесосьвинских манси. Анализ брачных связей в современном населении верхнего течения Северной Сосьвы (данные 1970 г.) также показал приток генов от ивдельских манси: в 8% браков жена происходит из Ивдельского района. И следовательно, можно с определенностью говорить о связях северных манси не только с северными хантами, но и с ивдельскими манси. Антропологические особенности верхнесосьвинской группы манси также указывают на южные связи этой группы. Здесь вероятно небольшая южносибирская примесь. Можно отметить также, что у верхнесосьвинских манси встречаются фамилии тюркского происхождения, так что брачные связи северных манси идут не только в северном направлении, но и в южном.

Г. М. Давыдова

The high appreciation of Z. P. Sokolova's work as a serious contribution to ethnology is given by the author. Some aspects of Sokolova's conception concerning the relations between Khanty and Mansi and matrimonial contacts between Mansi and Ivdelsky Mansi are specified in accordance with an anthropological data.

G. M. Davydova

© ЭО, 1992 г., № 6

«В настоящее время идет много споров о том, какие критерии для выделения того или иного народа являются главными или второстепенными, но споры эти разворачиваются в основном в теоретической сфере и опираются на более или менее полное использование уже опубликованных литературных данных... Между тем было бы целесообразно подвергнуть все эти критерии углубленному исследованию, и не у одного народа, экстраполируя результаты на другие, а у многих

народов, различающихся по численности, экономическому уровню и политическому положению, внутренней структуре, характеру ареала, степени изолированности занимаемой территории и т. д. Видимо, подобные исследования придали бы соответствующей дискуссии более конкретный характер». Так в 1988 г. писал В. П. Алексеев, участвовавший в обсуждении статьи М. В. Крюкова «Этнос и субэтнос»¹. Конкретное исследование круга брачных связей начато еще в конце 1960-х годов З. П. Соколовой². Обсуждаемая статья является кратким изложением результатов первого этапа работ — количественного определения степени эндогамности хантыйского и мансийского этносов в целом, а также этнографических и территориальных групп внутри них в XVIII—XIX вв. Исследований, охватывающих столь обширные территории и продолжительные периоды, а также этносы в целом, в работах ни по этнографии, ни по антропологии, ни у нас в стране, ни за рубежом в настоящее время нет. Однако разработка указанного круга проблем важна во многих отношениях.

Если эндогамия является важнейшей характеристикой популяции — биологической группировки, которая способна воспроизводить себя в ряду поколений, то решение вопроса о том, эндогамен ли этнос, напрямую зависит от того, как мы оценим связь этноса с популяцией. Об этом говорится во многих научных трудах³. Тем не менее уделим этому вопросу некоторое внимание еще раз. Популяция, как это признается подавляющим большинством специалистов, представляет собой основную структурную единицу или же адаптивную форму существования всех биологических видов, в том числе и *Homo sapiens*. Причем понятие популяции имеет очень много различных трактовок⁴. В определенном смысле и все человечество — одна популяция (видовая), и человеческие расы — популяции (географические), и население небольшой деревни также можно при определенных условиях назвать популяцией (демом). Разграничение этих понятий проводится по разным признакам, среди которых эндогамия занимает одну из важнейших позиций. Так, в своей известной работе В. В. Бунак выделяет большие и малые популяции по нескольким характеристикам, среди которых процент уроженцев других местностей, вошедших в состав популяции в одно поколение, процент браков между уроженцами данного поселения, общая численность группы и естественный прирост численности за 25 лет⁵. К изолятам им отнесены группы численностью 1500 человек и менее, в которых процент эндогамных браков составляет более 90%. Группы же численностью от 1500 до 4000 человек, где изолачные браки заключаются в 80—90% случаев, В. В. Бунак называет демами, а более крупные группировки относит уже к группе демов. В перечисленных малых популяциях процент уроженцев других местностей составляет 1—2%, а в изолятах и того менее.

Если придерживаться этих разграничений, то совершенно ясно, что к малым популяциям может быть отнесена лишь незначительная часть этносов, а значительная их часть относится к большим популяциям или к сложным иерархическим системам малых. Но сам факт наличия тесных связей между этносом и популяцией, а поэтому и возможности определения уровня эндогамности этноса вряд ли найдет сегодня серьезных оппонентов. Это один из основополагающих принципов обобщающей концепции антропогеоценозов, выдвинутой В. П. Алексеевым⁶, и этноэкологического подхода к системе жизнеобеспечения этноса, разрабатываемого В. И. Козловым с сотрудниками⁷, и теории этноса, предложенной как Ю. В. Бромлеем⁸, так и Л. Н. Гумилевым⁹. Встают и другие вопросы: каковы уровни эндогамности, свойственные этносу в целом, этнографическим и территориальным группам внутри него? Есть ли зависимость между численностью этнической группировки и степенью ее эндогамности для устойчивого этноса и для этноса, в той или иной степени размываемого межэтническими брачными связями? На эти вопросы как раз и могут дать ответ конкретные исследования, проведенные среди различных народов.

В уже упоминавшейся работе В. В. Бунака, как и в более ранних, обращается особое внимание, с одной стороны, на сходство степени эндогамности небольших

селений в разных странах (Франция, Германия, Польша, США), в различных местностях нашей страны и на территории Африки¹⁰, а с другой — на различия в степени эндогамности разных поколений в одной популяции¹¹. Этот последний вывод, свидетельствующий, что даже внутри малых популяций нет полной панмиксии, чрезвычайно важен. Ожидать же ее в таких образованиях, как целые этносы, совершенно нерационально. В. В. Бунак также отмечал, что уже в пределах группировки численностью 4—5 тыс. человек с высоким процентом изолакальных браков намечается повышение частоты браков на отдельных участках занятого группой ареала¹². Поэтому внутри любой популяции (или даже дема), а тем более системы популяций, к которым в большинстве случаев относятся этносы, могут быть выделены области, в которых частота изолакальных браков намного выше, чем во всей генеральной совокупности. Но от этого большая популяция не перестает быть биологической популяцией с более высоким таксономическим уровнем по отношению к делу. Характерно, что ныне обособившиеся и в отношении браков, и даже уже в этническом плане популяции, но ранее разошедшиеся из единого центра, сохраняют свои специфические генетические черты на протяжении веков¹³.

Все исследования круга брачных связей подтверждают, что одним из ведущих факторов в их формировании и появлении более эндогамных «сгущений» внутри основного ареала популяции является степень близости потенциальных брачных партнеров. Не меньшее значение в этом процессе, особенно в местах соприкосновения различных этносов, играют языковые, культурные, социально-профессиональные, эстетические и другие предпосылки. Даже в таком сложном образовании, как городская агломерация, статистически достоверно зафиксировано преимущественное заключение браков и по социально-профессиональному и по этническому признакам¹⁴. Последний факт безусловно является еще одним весомым подтверждением точки зрения о важности критерия эндогамности для выделения этнической общности.

Данные, приводимые в работе З. П. Соколовой, впервые, как уже отмечалось, ставят все вышеприведенные логические построения на конкретную основу. Именно благодаря ее исследованию группы, выделенные по другим этническим признакам (хозяйство, культура, язык) получили свою оценку, причем сильно изменяющуюся по степени эндогамности. Проведенный ею анализ в конкретном цифровом выражении подтверждает положение о наличии более эндогамных центров внутри общехантыйского ареала (у всех хантов — 94,4% эндогамных браков, у восточных хантов — 97,5%, у сургутских — 96,5%), изменчивость степени эндогамности за три столетия и по различным территориально-диалектным, и по территориально-говорным группам. Если принять приведенную выше классификацию популяций, то по показателю эндогамности и ханты в целом, и ряд их территориальных групп относятся к изолятам. Назвать их истинными изолятами не позволяет значительная численность.

Второй важный вывод, также очень конкретный и полученный впервые, — это фиксация прямой зависимости между степенью эндогамии и численностью группы. Для этнографических групп внутри хантыйского этноса численностью более 5000 человек показатель эндогамности составил 97,5, а в более мелких (800—2000 человек) — 80—92%. Эти данные находятся в полном соответствии с вышеприведенными выводами группы под руководством В. В. Бунака при анализе популяционной структуры русского старожильческого населения Сибири¹⁵. Кроме того, они дают количественные оценки для дальнейшей разработки неоднократно высказывавшейся мысли о необходимости определенной численности для сохранения группой своей этнической специфики¹⁶.

В заключение хотелось бы сказать, что работа З. П. Соколовой очень ярко высветила потребность в восстановлении традиций проведения комплексных этнографических и антропологических исследований различных проблем. Так, было бы весьма желательно в будущем с использованием многофакторных статисти-

ческих методов изучить, какие факторы (географический, хозяйственно-культурный, лингвистический, брачности и другие) и в какой степени определяют формирование структуры хантыйского и мансийского этносов. Аналогичный анализ по другим народам даст возможность не только обосновать, опираясь на фактический материал, более общие положения теории этноса, но и понять иерархию антропологических совокупностей в целом.

Н. А. Дубова

Примечания

- ¹ Алексеев В. П. Об иерархии и критериях выделения этнических общностей//*Расы и народы*. М., 1988. Вып. 18. С. 24.
- ² См. список работ З. П. Соколовой в ее книге «Эндогамный ареал и этническая группа». М., 1990.
- ³ Дебец Г. Ф. Расы, языки, культуры//*Наука о расах и расизм*. М., 1938; Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза//*Сов. этнография*. 1952. № 1; Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия//*Там же*. 1968. № 6; Алексеев В. П. Популяционная структура человечества и историческая антропология//*Сов. археология*. 1970. № 3; *его же*. Человек, эволюция и таксономия. М., 1985; Бунак В. В. Род Пото: его возникновение и последующая эволюция. М., 1980; Козлов В. И., Чебоксаров Н. И. Расы и этносы//*Расы и общество*. М., 1982. 12 и др.
- ⁴ См., напр., их краткий обзор в статье автора «Антропологические аспекты урбанизации (к постановке проблемы)»//*Сов. этнография*. 1989. № 6. С. 81—82.
- ⁵ Бунак В. В. Изучение малых популяций в антропологии//*Вопр. антропологии*. 1965. Вып. 21. С. 6.
- ⁶ Алексеев В. П. Антропогеоценозы — сущность, типология, динамика//*Природа*. 1975. № 7.
- ⁷ См., напр., Этническая экология: теория и практика. М., 1991.
- ⁸ Бромлей Ю. В. Указ. раб. и многие другие.
- ⁹ Гумилев Л. П. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.
- ¹⁰ Бунак В. В. Изменчивость соматических признаков в малых популяциях и проблемы таксономии//*Тр. VII МКЛЭИ*. М., 1964. Т. 3. С. 262.
- ¹¹ Бунак В. В. Изучение малых популяций в антропологии.
- ¹² Бунак В. В. Род Пото: его возникновение и последующая эволюция.
- ¹³ Данный вывод сделан при анализе различных антропологических характеристик народов Сибири: Рычков Ю. Г., Мовсесян А. Г. Генетико-антропологический анализ распределения аномалий черепа у монголоидов Сибири в связи с проблемой их происхождения//*Человек. Эволюция и шутривидная дифференциация*. М., 1972; Шереметьева В. А., Рычков Ю. Г. Популяционная генетика народов Северо-Восточной Азии. М., 1978. С. 34 и др.
- ¹⁴ См., напр., генетические исследования населения г. Ангарска Иркутской обл.: Бочков Н. П., Николаева И. В. и др. Брачная ассортативность в населении современного города//*Генетика*. 1984. Т. 20. № 7. С. 1224—1229.
- ¹⁵ Бунак В. В. Изучение малых популяций в антропологии; *его же*. Изменчивость соматических признаков в малых популяциях и проблемы таксономии; *его же*. Русское население в Забайкалье. Антропологическая характеристика русско-бурятских метисных групп//*Антропологический сборник*. IV (Тр. Ин-та этнографии АН СССР.). М., 1963. Т. 82.
- ¹⁶ См., напр., Арутюнов С. А., Сафина Г. П. Малые японские группы в испаноязычных странах Латинской Америки//*Расы и народы*. 1982. Вып. 12. С. 189; Дубова Н. А., Лебедева Н. М. и др. Адаптация русских старожилов в Азербайджане//*Сов. этнография*. 1989. № 5. С. 48; Зарицков И. Ю. Этнокультурные проблемы иммиграции (на материалах истории поляков в Бразилии). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 32.

The problem of correlation between ethnos and population is discussed. It is stressed that certain data given in Z. P. Sokolova's work for the first time confirm the previous theoretical appointments that ethnos is a complicated hierarhic system of populations with endogamous centres inside of main area and proclaim the strait correlation between endogamy degree and size of the group.

N. A. Dubova

Статья З. П. Соколовой «Эндогамия и этнос» и ее монография «Эндогамный ареал и этническая группа» (М., 1990), на которой основана статья, сосредотачивают внимание на результатах исследования взаимодействия эндогамного ареала (дема) и этнической группы, а также внутри этноса в целом, рассмотренных на фоне лингвистической и административной специфики, зафиксированной по документам XVIII—XIX вв. в группах хантов и манси (обских угров).

Нам хотелось бы отметить главным образом положительное значение данного исследования, особенно в связи с такими фундаментальными категориями теоретической этнографии, как этнос, этнические и этнографические группы, эндогамный ареал и др. — и не только в аспекте их подтверждения на опыте многочисленных конкретных наблюдений, но и на основе количественного анализа, не столь часто применяемого в гуманитарных науках, в том числе и этнографии. В работе поставлена задача формализации таких, казалось бы, неколичественных явлений, как этнографические группы, монолитный и размываемый смешанными браками этносы, этногенетические процессы, отраженные в хронологической динамике этносов.

Думается, именно количественный метод, примененный для характеристики одного из признаков, или критериев, этноса, может привлечь наше внимание к методике и выводам рассматриваемого исследования. Правда, вслед за З. П. Соколовой отметим, что эти количественные критерии не абсолютны. Но в отличие от иных характеристик этноса и его субподразделений (например, язык, культура) эндогамия поддается количественному измерению. По нашему мнению, это перспективное направление изучения этносов.

Работа выполнена З. П. Соколовой на основе анализа огромного количества материалов. Ею проанализированы архивные данные XVIII—XIX вв. с целью выявления эндогамных общностей на основе сравнения соотношения внутриволостных, межволостных, межездных и межнациональных браков, выделены эндогамные общности с максимальным числом эндогамных браков. При этом отметим особую роль почти не замеченных в ходе дискуссии таблиц, имеющих подготовительный характер к главным выводам и таблицам автора по выявлению эндогамных ареалов у хантов и манси. Мы имеем в виду таблицы, показывающие ориентацию брачных связей этнических групп обских угров (межволостные, межездные и межнациональные браки — табл. 1, 3 статьи и табл. 1—53, 109—112 монографии З. П. Соколовой). Эти таблицы дают возможность очень четко проследить пути формирования отдельных этнических групп, а также хантов и манси в целом в процессе воспроизводства. Приведенные материалы имеют большое значение для конкретных исследований этногенетических и этнических процессов у обских угров, причем не только этнографами, но и антропологами и лингвистами.

Выявленные З. П. Соколовой эндогамные группировки сопоставлялись ею с лингвистическими (диалектными и говорными) картами, а также с соответствующим административным делением. Установлено, что в исследуемый период у хантов и манси уже не было ни племен, ни племенных объединений — это один из важных выводов работы. Этнически они объединялись в этнографические и территориальные группы. В исследовании З. П. Соколовой показано, что административное деление Тобольской губернии XVIII—XIX вв. на уезды и волости в большинстве случаев не соответствует делению населения на эндогамные ареалы и соответствующие им лингвистические и этнические группы — это другой не менее важный вывод. Обнаруженное в некоторых случаях совпадение деления обских угров на территориальные группы с административным делением уездов на волости связано чаще всего с расселением в замкнутых речных бассейнах, т. е. с расселением ленточного типа.

3. П. Соколова выделяет несколько категорий кругов брачных связей, или арсалов (демов): а) характеризующие этнос в целом; б) характеризующие этнографические группы внутри этноса, которым свойственны группы диалектов (или наречия), приравниваемые к самостоятельным языкам; в) характеризующие территориальные (территориально-диалектные) группы в составе этнографических групп. В связи с этим в ходе исследования зафиксировано деление хантов и манси на группы двух категорий: 1) крупные группировки, соответствующие большим диалектным группам (с различиями на уровне самостоятельных языков), их таксономический ранг приравнивается к этнографическим группам. Они характеризуются компактной территорией расселения, этнонимическим самосознанием, особым диалектом, своеобразием культуры и эндогамией; 2) вторую категорию составляют более мелкие группировки, которые сосредоточены в речных бассейнах. Лингвистически они различаются на уровне диалектов, отмечено их некоторое этнографическое своеобразие; подобные группировки характеризуются замкнутой в речном бассейне территорией, самоназванием с географической привязкой, собственным диалектом (или говором), некоторым своеобразием культуры, значительным уровнем эндогамии. Отметим, что показатель эндогамии каждой из выделенных групп логично выступит как один из признаков этноса, его подразделения.

К тому же этот признак определен количественно. Установлена высокая степень эндогамности населения волостей (от 8—16 до 79—86—94%). Приводятся статистические данные об уровне эндогамии в различных таксономических подразделениях обских угров. В частности, степень эндогамии у хантов более 97%, манси — 81%; эмпирическая величина эндогамии размываемого межэтнонациональными браками этноса принята в пределах 40%, что, по мнению Ю. В. Бромлея, служит доказательством его полной ассимиляции. Разработана шкала показателей эндогамии для этнографических, территориально-диалектных и территориально-говорных групп с градиентом некоторого ослабления по направлению к последним. На этом основании автор приходит к выводу, что дем — эндогамный арсал — не всегда совпадает с этническим арсалом, так как степень эндогамности этнографических групп может быть выше, чем этноса в целом. Причина этого усматривается в возможном влиянии на уровень эндогамии административных границ и в небольшом числе брачных связей между представителями различных этнографических групп хантов и манси и как следствие — незавершенности процессов их объединения в интегрированный этнос. На наш взгляд, это хотя и спорный, но возможный вариант объяснения явления. К этому можно добавить, что несовпадение этнического и эндогамного арсалов свидетельствует, кроме сказанного, о хронологической разнице в интенсивности протекания этногенетических процессов и эндогамной коммуникации, в которой особенно сильна социальная компонента. В случае их полной совместимости мы могли бы констатировать их чрезвычайную древность и высокую степень гомогенизации (консолидации) этноса.

Принимая во многом теоретические положения Ю. В. Бромлея, Н. Н. Чебоксарова, В. И. Козлова и других авторов об этносах, путях и закономерностях их становления как самостоятельных таксонов, З. П. Соколова опирается в проведенном анализе на эндогамию как на один из ключевых признаков.

Эндогамия в брачной структуре этносов (и любых таксономически очерченных подразделений), выбрана как основной критерий этнообразующих тенденций в пределах определенного арсала. Это кажется убедительным, особенно в свете возможности количественной характеристики эндогамии. Выбор эндогамии З. П. Соколова объясняет и тем, что благодаря выявлению эндогамных арсалов (демов) у хантов и манси к XVIII—XIX вв. стало реальным также выявление роли бывших племенных объединений в формировании этнографических и территориальных групп. Кроме того, брачные связи и их направленность в значительной степени определяли формирование этноса и этнических групп и, как

отмечает автор, эндогамностью обуславливается общность языка, культуры и самосознания. И в этом главном тезисе З. П. Соколовой мы с ней согласны. Эндогамия, безусловно, этнообразующий фактор.

Поставленные в дискуссии вопросы, такие, как изучение проблемы племени в социальной и этнической истории обских угров, выделение у хантов и манси этнических подразделений решались путем анализа характера всех известных по литературным и архивным данным племен и союзов племен в аспекте развития и масштаба у них эндогамии. Выбор эндогамии, с нашей точки зрения, важен еще и потому, что она является многоуровневым критерием. В частности, эндогамия, по мнению многих авторов, это показатель демографического поведения; часто эндогамия выступает как фактор сглаживания стратификационной этнической и этнографической гетерогенности, как фактор векторизации внутри- и межэтнической миграционной подвижности, может маркировать степень социальной адаптированности.

Главным и новаторским итогом работы З. П. Соколовой представляется построение классификации эндогамно-этнических объединений на основании объективно (в соответствии с данными документалистики) организованного материала и адекватно подобранного критерия его оценки. При этом нужно отметить, что в данном случае (как и в любом другом) классификация важна не сама по себе, а в комплексе с объясняющими ее факторами и подтверждающими (или опровергающими) данными. Классификация может и должна в перспективе преобразовываться в соответствии с новыми материалами, она является наилучшим способом представления информации любого рода, в том числе этнографической, формой, удобной для сравнительного анализа и работы в целом.

Несколько слов об эндогамии и ее диагностическом потенциале. Как показано в статье и монографии З. П. Соколовой, факт наличия эндогамии и эндогамных ареалов вскрывает существенный уровень подразделенности населения, но при этом этноцентрическая основа обрела достаточно развитый характер и выступает как форма снятия дифференцированности. Сделан очень важный вывод о том, что элементарным таксономическим уровнем этнической интеграции является этнографическая группа, наиболее устойчивая к разрывающему ассимиляционному воздействию, хотя интегрирующие тенденции отмечаются практически во всех внутриэтнических подразделениях. По показателям эндогамии и в связи с эндогамным ареалом можно судить о степени этносоциальной адаптированности различных подразделений, что особенно важно для возможности получения практических социальных прогнозов и рекомендаций.

В порядке пожелания на будущее хотелось бы обратить внимание З. П. Соколовой на взаимодействие эндогамных и дуальных браков в среде хантов и манси. Эта сторона вопроса не нашла отражения в ее работах, тогда как, несомненно, представляет интерес. В целом же направление исследования З. П. Соколовой, по нашему мнению, очень интересно и перспективно для других народов.

В. К. Жомова, Н. И. Халдеева

The article of V. K. Jomova and N. I. Khaldeeva, being an answer on discussion of the Sokolova's article «Endogamy and Ethnos» supports the general conclusions of it and stresses both the significance of endogamy like a principal criteria for ethnos in defined area and possibility of quantitative valuation of it.

V. K. Jomova, N. I. Khaldeeva

После недавно проведенных журналом дискуссий по этнополитическим проблемам, оказавшихся в конечном счете недостаточно плодотворными (вероятно, по той причине, что до большинства наших политических лидеров материалы этих дискуссий не дошли), полезно вернуться к важным проблемам самой этнографической (этнологической) науки. Одна из центральных среди таких проблем обозначена темой «Эндогамия и этнос», разработанной З. П. Соколовой по материалам обских угров (ханты и манси), но с выводами, отнесенными ко всем другим этническим общностям. Мне приходилось заниматься этой тематикой неоднократно, но главным образом при анализе соотношений этноса и расы¹, при оценке роли этнически смешанных браков в развитии этнических процессов в СССР² и при комплексном исследовании явлений группового (популяционного) долгожительства у различных этносов Закавказья³. Поэтому я с большим интересом ознакомился со статьей З. П. Соколовой и с откликами на нее, что дало мне возможность еще раз поразмышлять над обсуждаемыми проблемами и высказать свои соображения.

Мнения о том, что русские мужчины женятся преимущественно на русских женщинах, французы — на француженках, а, скажем, японцы — на японках, распространены настолько давно и повсеместно, что могут быть названы «банальными». Вопрос о том, можно ли обозначить это явление термином «эндогамия», зависит от того, как мы понимаем этот термин. В его основном строгом значении — это правило заключения браков внутри той или иной группы или коллектива особей, по существу не предусматривающее исключений; в этом случае говорить о «степени» эндогамности почти столь же нелепо, как говорить о степени беременности. Считается, что такому понятию эндогамии в далеком прошлом отвечали племена, а в новое время — некоторые конфессиональные общности и касты, нарушение эндогамности в которых каралось исключением отступника или отступницы из родной группы, а иногда и их умерщвлением. В большинстве этносов классового общества, именуемых «народностями» и «нациями», правило эндогамности строго не соблюдалось, поэтому понравившаяся М. В. Крюкову попытка С. М. Широкогорова включить в определение этноса слова о том, что «брачные связи не выходят за пределы» этноса, нарушала реальную картину⁴.

Опыт многочисленных дискуссий, в которых мне приходилось участвовать, привел меня к заключению о необходимости соблюдения их участниками некоторых важных правил, прежде всего — предварительной договоренности об одинаковом понимании обсуждаемого предмета и единообразном толковании смысла используемых терминов; в противном случае за внешним согласием может скрываться существенное расхождение и наоборот. Особенно важно соблюдение таких правил, когда в дискуссии обсуждаются два научных термина, как в данном случае — «этнос» и «эндогамия», и участвуют представители различных наук, как в данном случае — этнографы (этнологи), антропологи и демографы; кстати сказать, антропологи вовлекли в обсуждение термин и понятие «популяция» и дополнительную проблематику, связанную с темами: «этнос и популяция», «популяция и эндогамия».

Ю. В. Бромлей, статья которого «Этнос и эндогамия» в свое время открыла дискуссию по названной теме, не отличался большой склонностью к точным формулировкам. Это относится и к его выводу о том, что «из всех типов социальных общностей (за исключением конфессиональных общностей и каст) наибольшей степенью замкнутости круга брачных связей обладают этносы. Следовательно, мы можем рассматривать эндогамию как характерную для этноса особенность»⁵. Приведенный вывод неточен потому, что в нем не упомянуты некоторые другие «типы» социальных общностей, степень замкнутости круга брачных связей среди которых отнюдь не меньше, чем у этносов (например, в государственной общности), однако никто, кажется, не считал эндогамию их

«характерной особенностью». Он неточен и потому, что Ю. В. Бромлей отступил в нем от строгого понятия «эндогамия», не оговорив эту вольность; впрочем, еще до того такая практика утвердилась в работах антропологов, которые писали о степени эндогамности тех или иных популяций в 90%, а то и в 80%⁶ (см. также, например, статью Н. А. Дубовой в этом номере).

Дополнительные осложнения в рассматриваемые проблемы внесла идея об иерархичности этнических общностей, впервые высказанная Л. Н. Гумилевым в виде триады: субэтнос — этнос — суперэтнос, а затем подхваченная Ю. В. Бромлеем и некоторыми другими этнографами в виде триады: субэтнос — этнос — метаэтнос⁷. Умозрительность связанных с этой идеей построений, условность отнесения той или иной этнической общности к тому или иному иерархическому статусу (например, эрзи и мокши — то ли к субэтносам, то ли к этносам) привела к нечеткости определения сущности этноса и к еще большей спорности использования в этом определении понятия «эндогамии» даже в ее нестрогом понимании. Поэтому мне при написании статей «Этническая общность» для «Исторической энциклопедии» и «Этнос» для «Большой Советской энциклопедии» (3-е изд.) пришлось, не мудрствуя лукаво, ограничиться формулировкой: «Сформировавшийся этнос выступает как социальный организм, самовоспроизводящийся путем этнически однородных браков и передачи новому поколению языка, культуры, традиций, этнической ориентации и т. д.». Назвать эндогамию сущностным признаком этноса, к чему, как я понимаю, призывает З. П. Соколова, в энциклопедической статье, отражающей состояние науки, мне не представлялось правильным.

М. В. Крюков заметил, что после дискуссии по теме «Этнос и эндогамия», прошедшей в 1970 г., обсуждение этой проблематики у нас надолго прервалось, в то время как некоторые зарубежные ученые уделяли ей внимание и позже. В общем, так оно и было, но ничего зазорного для нас в этом нет. Почти любая научная дискуссия, если она ведется достаточно целеустремленно и без терминологически-понятийных вольностей, довольно быстро приходит к ситуации, когда крайние точки зрения вполне определены, а в существующих между ними расхождениях проступает не столько «истина», сколько проблема, для разрешения которой обычно требуются новые факты. В данном случае ничего особенно нового зарубежные ученые, насколько я могу судить, не дали. Гораздо большее значение имели проводившиеся в 1970-х и 1980-х годах в нашей стране исследования этнически смешанных браков, что имело прямое отношение к теме «Этнос и эндогамия». Особо отмечу в этой связи большую статью демографа А. Г. Волкова, основанную на материалах переписи населения СССР, проведенной в 1979 г. К сожалению, А. Г. Волков провел обработку материалов этой переписи главным образом по «титულным» национальностям союзных республик, но и полученные результаты весьма интересны: доля этнически однородных семей колебалась в пределах от 96,6% у армян и 95,8% у азербайджанцев до 75,6% у латышей и 75,4% у украинцев, что примерно соотносилось с процентом национально-смешанных семей в указанных республиках⁸. Есть основания предполагать, что у некоторых национальностей автономных республик, например у карел и коми, эта доля опускалась до 60—70%, что свидетельствует о сильном нарушении этнической эндогамии.

З. П. Соколова выполнила очень трудоемкую работу по количественному анализу брачной структуры хантов и манси, что интересно и полезно как для этнографов, так и для антропологов; показателен в этом отношении вывод Г. А. Аксяновой о том, что «материалы З. П. Соколовой дают хорошую базу для формирования антропологических выборок, а также для понимания причин дифференциации физического типа тасжного западно-сибирского населения» (№ 4, 1992 г.). В работе З. П. Соколовой продемонстрировано, что у хантов и манси в конце XVIII — первой половине XIX в. господствовала тенденция заключать этногетогенные браки, доля которых составляла соответственно 95,7 и 81—82%, а во второй половине XIX в. даже немного увеличилась. Конечно, хозяйствен-

но-культурная специфика хантов и манси того времени, их сравнительно небольшая численность и особенности расселения сильно препятствуют тому, чтобы сделанным выводам придать общероссийскую и тем более глобально-теоретическую значимость, а также распространить их на современность; в этом отношении выводы А. Г. Волкова — более фундаментальны. Большая теоретическая значимость работы З. П. Соколовой усматривается мною в другом — в показе вариаций «эндогамности» внутри хантыйского и мансийского этносов прежде всего у их этнографических групп, которые оказываются более «эндогамными», чем этносы в целом. Такие явления, обнаруженные и среди некоторых других этносов, побуждают к размышлениям, результаты которых во многом совпадают с мыслями С. В. Соколовского.

Краткая суть этих выводов в следующем. Если отказаться от строгого понятия «эндогамия» и заняться определением степени эндогамности у различных групп или общностей людей, то и в этом случае необходимо различать два основных типа эндогамии: естественную первичную, входящую и используемое антропологами понятие «популяция», и вторичную, получаемую при суммировании эндогамных популяций по тем или иным признакам, будь то расовые, этнические или, скажем, религиозные. При комплексном исследовании явлений долгожительства в Закавказье нами были установлены сильные различия в объемах популяционной эндогамии у азербайджанцев, среди которых эндогамными на 80—90% случаев оказывались многие селения, и у абхазов, среди которых вследствие осуждения браков внутри одного и того же селения в качестве популяции выступала группа сел бзыбской Абхазии и группа сел абжуйской Абхазии. По данным З. П. Соколовой получается, что признаками популяционной эндогамии характеризуются этнографические группы хантов (северные, восточные и южные), которые заключали браки преимущественно внутри себя (восточные ханты — до 97,5%) и почти не заключали браки с другими группами (северные и восточные ханты — лишь в 0,16% случаев); во многом аналогичная картина установлена и у манси. Число этнически смешанных браков между хантами и манси, судя по данным З. П. Соколовой, было больше, поэтому исследователь, оперируя такими показателями внутривнутрипопуляционной гомогенности и межпопуляционной смешанности, может с почти равным основанием путем их суммирования конструировать либо «эндогамные» хантыйский и мансийский этносы, либо некую «эндогамную» хантыйско-мансийскую общность.

В предпринимавшихся в прошлом попытках дать полное и точное определение понятию «этнос» на основании каких-то обязательных признаков при их критическом анализе обнаружилось много огрехов. Достаточно показателен в этом отношении такой казавшийся многим обязательным, но в действительности основанный главным образом на бытовании стереотипов «признак» нации (и шире — этноса), как общность психического склада или национального характера⁹. Этот опыт призывает к осторожности и применительно к предложению использовать понятие «эндогамия» в качестве характерного и по существу обязательного признака этноса, тем более — с выражением степени такой обязательности в процентах. Полагаю, что в развернутом определении этноса необходимо каждый раз говорить о важности этногеномных браков для этнического (языково-культурного) воспроизводства, но не более того. Можно сказать, разумеется, и об основных причинах отхода от эндогамности: диспропорции половозрастной структуры этнических групп и сильном чувстве любви, возникающем иногда между людьми, принадлежащими к разным этническим группам. Что же касается более широкой теории этноса, то в ней необходимо уделить внимание анализу механизмов соединения эндогамных частей этноса (популяций) в единую общность. Эта тема у нас действительно оказалась в небрежении, и проведенная дискуссия по статье З. П. Соколовой приглашает к ее настоятельной разработке.

¹ Козлов В. И., Чебоксаров Н. П. Расы и этносы // Расы и общество. М., 1982; Козлов В. И. Расовые факторы этнических процессов и этнорасовые общности // Этнические процессы в современном мире. М., 1987.

² Козлов В. И. Национальности СССР. М., 1982. С. 261—282.

³ См. Абхазское долгожительство. М., 1987; Долгожительство в Азербайджане. М., 1989.

⁴ Крюков М. В. Этнос и эндогамия: возобновление диспута // Этнографическое обозрение. 1992.

№ 3.

⁵ Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Сов. этнография. 1969. № 6.

⁶ Бунак В. В. Изучение малых популяций в антропологии // Вопр. антропологии. 1965. Вып. 21.

⁷ Гумилев Л. П. О термине «этнос». Этнос как явление // Доклады отд. и комиссий географ. о-ва СССР. Л., 1967. Вып. 3; Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей // Сов. этнография. 1972. № 5.

⁸ Волков А. Г. Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав // Вестник статистики. 1989. № 7. С. 16.

⁹ См., напр., Козлов В. И., Шелепов Г. В. «Национальный характер» и проблемы его исследования // Сов. этнография. 1973. № 2.

The author agreed with those scientists who apply an endogamy mainly to indicate anthropological populations, tribes, some confessional communities and casts; to use endogamy for identification of ethnoses (especially for numerous ethnoses) seems to him been incorrect.

V. I. Kozlov

© 1992 г., ЭО, № 6

Часть вопросов, анализируемых в статье З. П. Соколовой «Эндогамия и этнос», имеет непосредственное отношение к интерпретации археологических материалов, связываемых с обскими уграми нижнего Обь-Иртышья, Сургутского Приобья и Среднего Зауралья эпохи раннего средневековья. Сразу поясним, что речь идет о материалах трех археологических культур конца I — начала II тыс. н. э. (выделенных весьма условно ввиду наличия в них большого количества общих элементов) — юданской культуры предков манси (лесное Среднее Зауралье на Туре и Тавде), усть-ишимской — южных хантов (южнотажное Прииртышье между устьями рек Тары и Тобола) и кинтусовской — северных и восточных (сургутских) хантов (нижнее Обь-Иртышье и Сургутское Приобье), археологически пока слабо дифференцированных¹. В целом кинтусовская и усть-ишимская культуры предков хантов более сходны между собой, чем с юдинской культурой предков манси, выделившихся из обско-угорской общности в середине — третьей четверти I тыс. н. э.² В связи с этим представляет интерес распространение в древности смешанных ханты-мансийских браков, частота которых в разных регионах фиксируется З. П. Соколовой для XVIII—XIX вв. на основе записей метрических книг. В этом аспекте примечательно наличие в кинтусовских и усть-ишимских памятниках предков хантов (лесное Прииртышье: городища Уки II, Кошелево, Потчеваш, Новоникольские I, IV и др.) инокультурной, нехарактерной для данного региона, керамики с гребенчато-шнуровым орнаментом³, типичной для юдинской культуры предков манси. Среди этой инокультурной посуды, составляющей незначительную часть в комплексе местной керамики с гребенчато-фигурно-штамповой орнаментацией, на городище Уки II встречены единичные фрагменты сосудов, изготовленных из глины с примесью талька, что свойственно керамике петрогромского типа Горного Урала⁴. Находки юдинской и петрогромской керамики в кинтусовских и усть-ишимских поселениях Прииртышья отражают контакты предков манси и хантов, связанные в том числе

с экзогамными браками хантов лесного Прииртышья и манси лесного Зауралья, бассейнов Туры и Тавды, чему благоприятствовало использование с глубокой древности водного пути по системе Тобола. Облик археологического материала и, прежде всего, керамики, свидетельствует о том, что эти межэтнические контакты не нарушали стабильности культуры и своеобразия складывающихся этносов.

В обсуждаемой статье и ряде других работ З. П. Соколовой⁵ выделяется проблема позднего появления территориальных групп манси на Конде (кондинские, или восточные), а также на С. Сосьве и Ляпине (северные, или сосвинско-ляпинские), которые сложились здесь в ходе смешения с местными аборигенами-хантами пришлых с запада и с юга манси, что З. П. Соколова прослеживает на основе анализа письменных источников XVIII — первой половины XIX в. Заключение о проживании в прошлом на этих территориях остяков (хантов) подтверждается археологическим материалом. Инвентарь X—XIII вв. из раскопок на Конде, С. Сосьве и Ляпине характеризуется керамикой с гребенчатым орнаментом и небольшой примесью в орнаментации оттисков фигурных штампов, как и в лесном Прииртышье и в Сургутском Приобье, что указывает на связь его с предками хантов. Расположенное на р. Ляпин городище Тан-Варуп-Эква рассматривалось В. Н. Чернецовым в числе основных памятников кинтусовского этапа⁶. Соотносимая с южной группой манси юдинская культура локализовалась тогда на Туре, верхней и средней Тавде, не распространяясь на низовья Тавды, Тобола и Конду⁷, где проживало древнехантыйское население. Исходной территорией движения южных манси на Конду и далее на С. Сосьву был Туринско-Тавдинский район, занятый в прошлом древними манси, что прослеживается по археологическим материалам, а для более позднего времени констатируется З. П. Соколовой на основании анализа метрических книг XVIII—XIX вв. Западные манси за Урал, на С. Сосьву, Конду, Лозьву и другие притоки верховий Тавды мигрировали из районов левобережья верхнего Прикамья, со Среднего Урала и верхней Печоры. Известный пока немногочисленный материал из комплексов поселений югры последней трети I — начала II тыс. н. э. на средней и нижней Печоре, а также верхней и средней Вычегде, типологически в большей мере соотносится с культурой предков хантов, нежели манси. Этот материал, имеющий сходство с памятниками зеленогорского, оронтурского и кинтусовского типов⁸, просцируется на древности нижнего Обь-Иртышья VI—VII и XII—XIII вв., связываемые с предками хантов. Примечательно, что такое заключение, сделанное на основании археологических исследований, согласуется с данными лингвистики. Этноним «вогул» и мансийская гидронимика образуют в топонимике Среднего Урала четкий ареал по верхнему течению рек Сьльва, Чусовой, Тагила и Ницы⁹, который с севера ограничивается южным Припечорьем по рекам Подчерем и Щугор¹⁰. Древний пласт угорских топонимов на Вычегде и Выми, по мнению А. И. Туркина, тяготеет к хантыйскому языку¹¹. По археологическим материалам с Вычегды этот пласт топонимов можно датировать последней третью I тыс. н. э. Итак, археологический материал тоже свидетельствует о позднем формировании восточной (кондинской) и северной (сосвинско-ляпинской) групп манси. Принимая во внимание начавшееся в начале II тыс. н. э. движение за Урал коми и русских и проникновение отдельных их групп до нижнего Обь-Иртышья¹², можно думать, что процесс формирования северной и восточной мансийских групп был весьма длительным, и начало его восходит к отступлению за Урал из Приуралья хантов и манси под давлением коми в период около XII—XIV вв. И не исключено, что первыми мигрантами из северного Приуралья, со средней Печоры и верхней Вычегды за Урал, на С. Сосьву были североприуральские ханты, югра древнерусских летописей¹³, которые затем были «перекрыты» мансийским этническим пластом, оказавшимся в конечном итоге преобладающим.

Очень важен поднятый З. П. Соколовой вопрос о большей, чем у хантов, этнической монолитности манси, и как следствие этого, наличии у них единого самоназвания. Высокая степень этнической монолитности обусловлена не только более ранним оформлением манси как единого этноса и миграциями, в ходе

которых представители их различных территориальных групп вступали в брачные связи и смешивались, что справедливо отмечает З. П. Соколова, но также и особенностями расселения. Манси обитали на сравнительно ограниченной и компактной территории, обеспечивавшей большую возможность эндогамии, как фактора стабилизации этноса. Ханты же занимали огромное пространство лесной полосы от северного Приуралья до среднего Приобья и южнотасжнего Прииртышья; плотность населения здесь была небольшой и это, разумеется, отнюдь не способствовало их консолидации. К тому же отдельные этнографические группы хантов вступали в контакт с различными иноэтническими группами, что вело к формированию, а, отчасти, и углублению локальных различий, замедляя интеграционные процессы, и, следовательно, сложение единого этноса. Различиями внешних контактов и эндогамностью этнографических и территориальных групп можно объяснить превалирование в краниологических сериях хантов территориальной (не этнической!) специфики, а также разнородность нижнеобских хантских групп¹⁴. Последнее отражает и участие в этногенезе хантов иноэтнических компонентов, каковыми были в той или иной степени селькупы у восточных, васюганских и ваховских хантов, ненцы — у северных нижнеобских, что прослеживается и в их этнической истории на материале экзогамных брачных связей XVIII—XIX вв., проанализированных З. П. Соколовой.

Привлекает внимание и проблема просцирования территориально-диалектальных и территориально-говорных групп обских угров на археологический материал, выявление в связи с этим его специфики в регионах отдельных речных бассейнов и микрорайонов, соответствовавших расселению таких групп. Для этого требуется дальнейшее проведение детальных полевых исследований, главным образом в северных районах нижнего Приобья, а также тщательная камеральная обработка имеющегося в научных центрах материала, особенно керамики, и, в первую очередь, ее орнаментации, как важнейшего этнодифференцирующего признака. Требуется также обстоятельный анализ инвентаря некрополей, исследуемых екатеринбургскими археологами в Сургутском Приобье. Всесторонний комплексный анализ археологических и этнографических материалов по обским уграм несомненно будет способствовать и решению обсуждаемой в дискуссии проблемы этнической эндогамии.

В. А. Могильников

Примечания

¹ Обзор проблематики и характеристику культур см.: Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 163—216.

² Могильников В. А. К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тысячелетии н. э.//Сов. археология (далее — СА). 1974. № 2. С. 68—72; *его же*. Угры и самодийцы... С. 167. Примечательно, что вывод об отделении манси от хантов в середине — третьей четверти I тыс. н. э., полученный на основании археологических источников, почти совпадает с заключением лингвиста Е. Коренци, которая определяет время отделения вогулов-манси от остяков-хантов IV в. н. э., см.: Korenchy E. Iranische Lehnwörter in den Obugrischen Sprachen. Budapest, 1972. S. 40.

³ Могильников В. А. Угры и самодийцы... С. 168. Карта 31; *его же*. Повоникольское IV городище (в связи с некоторыми вопросами древней истории Прииртышья)//СА. 1964. № 1. С. 244; *его же*. Работы Алтайской экспедиции//Археологические открытия. 1985 г. М., 1987. С. 247—248; Расторопов А. В. Культурно-хронологический комплекс Кошелевского городища как источник по этносоциальной истории тасжнего Прииртышья в средние века//Источники по истории и культуре Башкирии. Уфа, 1986.

⁴ Могильников В. А. Угры и самодийцы... С. 177—179.

⁵ Библиографию см.: Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа. М., 1990. С. 203—205.

⁶ Чернецов В. И. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры//Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР. 1957. № 58. С. 213—214. Табл. XXXIV.

⁷ Викторова В. Д. Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. н. э.//Уч. зап. Пермского гос. ун-та. 1968. № 191. Табл. 1; Могильников В. А. Угры и самодийцы... С. 168. Карта 31.

⁸ *Канивец В. И.* Канинская пещера. М., 1964. Рис. 44, 45; *Королев К. С.* Раннесредневековая керамика многослойного поселения Шойнаты III на средней Вычегде//Археологические памятники северного Приуралья. Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. Вып. 9. С. 110. Рис. 7; *Зеленский В. С.* Археологические памятники на Цильме//Там же. С. 145—147. Рис. 3; *Плюснин С. М.* Городища Нового Бора//Проблемы историко-культурной среды Арктики. Международный симпозиум. Сыктывкар 16—18.V.1991. Тезисы. Сыктывкар, 1991. С. 115—116; *Могильников В. А.* Угры и самодийцы... С. 203. Карта 39.

⁹ *Майданова Л. М.* Ареалы финно-угорской топонимики Урала//Вопросы топониматики. Доклады кружка сравнительно-исторического языкознания. Свердловск, 1962. Вып. 1. С. 26—27.

¹⁰ *Ануфриева З. П.* Субстратная топонимия угорского происхождения в бассейне Печоры//Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1990. С. 11—13; *Туркин А. И.* К вопросу об угорских названиях на территории Коми ССР//Проблемы историко-культурной среды Арктики... С. 134.

¹¹ *Туркин А. И.* Указ. раб. С. 133.

¹² *Морозов В. М., Пархимович С. Г.* Городище Перегребное I (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н. э.)//Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985; *Пархимович С. Г.* О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н. э.//Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. № 20; *Могильников В. А.* Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия//Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С. 71—74, 88—89.

¹³ *Лаврентьевская летопись*//Полное собрание русских летописей. Т. I, II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. С. 107.

¹⁴ *Дремов В. А.* Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии//Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984. С. 121—122.

The problems of ethnic contacts between Khanty and Mansi in the past and exogamous marriage between Turinsko-Tavdinsky Mansi and Irtyskh Khanty based on the analysis of archaeological materials late 1st — early 2nd thousand A. D. are discussed. The question of late formation of eastern and northern Mansi groups, time of formation and native territories, Mansi migrations on Konda, Mid. Sosva and Lyapin as well as bigger Mansi ethnic unity than Khanty are set up by the author too. The problem to distinguish territory groups among the population of the North of the West Siberia on the base of detailed investigation of microregions and river basins is advised.

V. A. Mogilnikov

© 1992 г., ЭО, № 6

З. П. Соколова

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Прежде всего хочу выразить признательность журналу за организацию дискуссии по проблемам эндогамии, которым посвящены не только моя статья¹, но и книга². Невольно сравниваю эту дискуссию с дискуссией более чем двадцатилетней давности по статье Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия»³. Правда, та дискуссия была более оживленной, в ней приняло участие больше ученых. Но она сначала была устной и лишь потом ее материалы были напечатаны. Эта же дискуссия проходит иначе. Я уже написала свой «Ответ оппонентам», а подписчики еще не получили номер журнала, в котором опубликованы моя статья, открывшая дискуссию, и первые отклики на нее. Остается лишь сожалеть, что те из читателей-специалистов, кто хотел бы принять участие в обсуждении (возможно, финно-угроведы или лингвисты), сделать этого не смогут*. К счастью,

* Выход и доставка журнала (и не только «Этнографического обозрения») действительно запоздали, но это отнюдь не будет препятствовать публикации статей по проблемам дискуссии, хотя она уже завершена. Главное, чтобы эти статьи содержали новые материалы.— *Ред.*